

ИЗ ОПЫТА РАБОТЫ С НОВГОРОДСКИМ ОККУПАЦИОННЫМ АРХИВОМ

После того, как в 1839 г. Новгородский фонд был обнаружен С. В. Соловьевым, а затем частично изучен и описан К. Якубовым, С. Класоном, М. Полиевктовым и С. Дмитриевским, утекло немало воды. Материал оказался настолько богатым и разнообразным, а проведенная работа по его изучению и описанию настолько недостаточной систематизированной и фрагментарно документированной, что, несмотря на 159 лет со дня открытия и сто с лишним лет со времени появления в свет первой описи, этот фонд все еще представляет собой непочтатый край для исследователей и архивистов.

Больше 20 лет, с 1972 г., над расшифровкой текстов новгородских рукописей трудился И. Кальнинс, накопивший богатые знания в области чтения скорописи XVII в. и оказавший неоценимую помощь многим шведским исследователям, коллегам на кафедре славянских языков и сотрудникам Национального архива в нелегком деле разбора челобитных, расспросов, отписок, сказок и прочих документов той поры.

Об истории самого фонда известно немного. Остаются спорными даты его вывоза из России, и, кроме отдельных упоминаний и неточных предположений, нет сведений о его дальнейшей судьбе в Швеции до того самого дня, когда сундук, в котором он хранился в Малом (или, иначе, Потайном) подвале стокгольмского дворца, не оказался в руках Соловьева. Нет достаточно достоверных теорий по его созданию и утрачена та форма, которая была создана его составителями. Скорее всего, уже тогда, в 1839 г., этот фонд, насчитывающий сегодня 141 книгу и 368 столбцов, был далек от своего первоначального вида.

В своем отчете Археографическому обществу после первого разбора и подсчета актов из Делагардиевского сундука Соловьев установил, что объем фонда равняется примерно 500 столбцам и около одной сотни книг. Остается непонятным, была ли неверной его оценка и произведенный подсчет, или эта цифра — следствие еще более разрозненного состояния фонда по сравнению с нынешним, или какая-то часть документов вернулась с Соловьевым в Россию, или некая часть оказалась утраченной в более поздние времена. Кто именно произвел окончательное упорядочивание фонда, последнюю сортировку и раскладывание по отдельным столбцам, снабдив каждый из них картонной обложкой с печатным наименованием фонда и порядковым номером, поделив архив на две серии: 1-ю — книг и 2-ю — столбцов — неизвестно. Предположительно, над этим главным образом потрудились Класон и Полиевктовы. И все-таки непонятно, почему такое большое количество дел состоит всего из одного листа, и хорошо, когда целого, в десть, а чаще всего лишь из небольшого обрывка или отдельного фрагмента. Отражает ли нынешнее состояние фонда рабочую фазу распределения и составления отдельных дел из распавшихся столбцов, или с течением лет и в ходе пользования фонд еще более терял связь с первоначальным своим

обликом? Любая гипотеза имеет право на существование, поскольку с самого момента своего создания в Новгороде, в процессе вывоза и затем в течение всего хранения в шведском Национальном архиве, вплоть до 1995 г., ни одна единица этого фонда ни разу не была пропагинирована (т. е. отсутствовала порядковая нумерация листов и страниц).

Датировка же дел производилась не всегда. Иногда писец указывает год и число, иногда дата проставлена по получении дела в приказной избе. Иногда где-нибудь в тексте попадает ссылка на какое-либо событие, благодаря которому можно хотя бы определить год, но во многих случаях нет даже и таких косвенных ссылок. Часть листов одного столбца может не иметь ничего общего с другой его частью. Хронология непоследовательная, скачущая.

Сортировка и упорядочение фонда производилась тематически. При последовательном знакомстве с фондом представляется, что разбиравшие архив иногда исходили из характера документов, приобщая челобитные к челобитным, расспросные речи к расспросным речам, дозорные выписи к дозорным выписям, сводя в один акт делопроизводство по определенным вопросам, иногда пытались сохранить первоначальный порядок не до конца распавшегося столбца никак не покушаясь на его внутренний строй, иногда же сводили вместе ни в какую группу не попавшие документы, образуя чистую россыпь разных по характеру и времени документов. При этом опять-таки возникает вопрос, откуда и зачем такое большое (процентом 15 от общего объема всего фонда) количество дел, состоящих из одного-двух листов или отдельных фрагментов.

Физическое состояние фонда довольно хорошее. Многие книги и столбцы находятся в очень хорошем состоянии и нуждаются главным образом в чистке и местами в небольших мерах по укреплению наиболее обветшавших от механических нагрузок мест, как края листов и места составов. Большое количество хорошо сохранившихся накладных печатей, красного и черного сургуча, заслуживают профилактических мер для предохранения их от возможного разрушения при дальнейшем обращении с фондом. Особенно это касается 2-й серии, состоящей из столбцов, которые хранятся в свернутом состоянии и очень страдают даже при самом бережном использовании. Многие столбцы в свое время были слишком туго закручены, смяты, потерты, загрязнены, порваны и разрезаны бритвой или другим острым предметом. Почти все без исключения тексты носят следы помет исследователей, сделанных простым карандашом, что в свою очередь, если их оставить, неизбежно приведет к трудностям в чтении и расшифровке материала, при переводе его на микроформу. Имеется также немалое количество менее сохранных дел, пострадавших от сырости и плесени. В таких делах, в местах повреждений наблюдается сильно ослабленная бумажная основа, рыхлая и потрескавшаяся гигроскопичная масса, окрашенная биологическими вредителями в различные тона. Текст полуразмыт и нечеток. Имеются почти полностью выцветшие участки.

С другой стороны, чернила, которыми пользовались новгородские писцы, хотя и принадлежат к железогалистым, не содержат тех сильнодействующих кислот, которые мы иногда встречаем в других

документах этой эпохи, разъедающих бумагу и образующих бурый ореол по контуру и вокруг букв.

Накладные печати, которые хуже сохранились, бывают в трещинах, частично или полностью раскрошенными. Иногда виден только след, где в свое время находилась печать, с остатками надставной полоски и прорезями для бумажных ленточек. Поскольку бумага, на которой они укреплены, свернута в трубочку, при разворачивании в первую очередь страдает нижний, обращенный к бумаге слой. Наличие сургучных крошек при незадетом лицевом слое и хорошо сохранившемся изображении клейма говорит о том, что выкрошивание происходит изнутри. Это наверняка еще более усложняет проблему консервации.

В общем фонд благодаря изначальному высокому качеству материалов — хорошей бумажной основе, стойким и не слишком активным красителям, а также и бережному хранению — является благоприятным с точки зрения дальнейшей консервации, не требуя слишком больших затрат.

С точки зрения исследователя, фонд, конечно, представляет из себя «золотую жилу», как отметил в своей статье Андерс Шеберг. Уже несколько поколений славистов как в Швеции, так и за рубежом пишет на его основе статьи и диссертации, готовит работы и защищает научные степени.

Но помимо таких очевидных областей для изучения, как археографическая, лингвистическая, палеографическая, сфрагистическая, изучение филигранных, орфографии, имен собственных и географических названий в Новгородской земле в начале XVII в., а также быта и торговых отношений между соседними странами, есть еще одна область, которую я не могу обойти молчанием. Это чисто архивно-исторический взгляд на вывезенный Якобом Понтуссоном Делагарди фонд. Перед архивистом, которому попался старинный и неизвестно кем в более поздние времена упорядоченный фонд, стоит вечно одна и та же дилемма: попытаться выявить и вернуть его в исходное состояние руководствуясь «принципом провениенса», т. е. принципом происхождения — первоначального вида, создававшегося кем-либо из архива (*le respect des fonds*), или опять-таки отнестись с уважением ко второму провениенсу, а иногда даже к третьему, как это бывает на практике. И, как правило, когда затруднительно бывает определить исходное состояние, самое разумное — это признать вторичную или третьестепенную организацию фонда законной.

В своей работе я придерживался этого же принципа. Поэтому я не менял порядок и организацию самих дел, вторгаясь только во внутренний порядок отдельного дела, когда того требовали обстоятельства (например необходимость исправно нумеровать все, как склеенные, так и расклеившиеся и рассыпавшиеся листы и фрагменты).

Проще всего было с книгами. Книги, как правило, все сшитые, а там, где перетерлась льняная нить, можно было попытаться отыскать смысловую или хронологическую нить. Сложнее оказалось со столбцами 2-й серии. Столбцы представляют собой во многих случаях рассыпавшиеся листы, в которых главным ключом для меня являлась дьяческая скрепа и затем внешний вид подобранных сты-

ков. Скрепа — это подпись дьяка, который после просмотра и сличения с черновиком поданного ему подьячим готового и склеенного документа поворачивал его и писал свое имя на всех местах, где приходились стыки, так что половинки букв оказывались на обоих концах бумаги. Так скреплялась грамота. Поскольку расклеившиеся листы часто перепутаны, то при попытке восстановить первоначальный порядок скрепа является неоценимым подспорьем. Таким же подспорьем может оказаться какой-либо характерный знак — неровно оторванный или отрезанный край, зашедший на другой лист текст или росчерки букв, иногда клякса или другое загрязнение указывают на то, что листы шли друг за другом до того, как были расклеены, и тому подобные признаки. Если никаких признаков или смысловой последовательности не наблюдалось, я старался нумеровать листы в хронологической последовательности. Чаще всего встречаются скрепы Лутохина Семена, Лыцова Андрея, Маркова Василия, Самсонова Семенко.

К сожалению, у меня не было возможности по ходу работы вести учет всех кусков и листов, которые начинаются или заканчиваются половиной скрепы, записи или обладают другим, легко отличимым признаком. Но если предположить, что в недалеком будущем можно будет при помощи сканирования документов получать единого масштаба изображения всех тех стыков, которые нас интересуют, то будет несложно поставить следующий эксперимент. 368 столбцов, введенные в компьютерную память, разделим на 30. Получаем примерно 36—37 групп по десять столбцов в каждой. Каждый из этих десяти сравнивается с остальными в своей группе, выявляются сходные характеристики и устанавливается количество совпадающих скреп.

Затем группы сравниваются между собой, образуя новые подгруппы, содержащие скрепленное дьяком или обладающее иным, общим признаком дело, пока у нас не образуется несколько больших составленных столбцов, отражающих, как мне кажется, главный и исходный корпус первоначального фонда таким, каким он был на момент своего создания в приказной избе в Новгороде. Таким образом, сохранив нетронутой вторичную организацию этого фонда, мы получим возможность восстановить его первоначальный облик на электронном носителе и провести с научной точки зрения более точный архивно-исторический анализ документов.

При помощи введенных в компьютерную память данных появится возможность судить о процессе создания данного фонда, о той административной среде, в которой это происходило, и о тех принципах, которыми руководствовались в то время делопроизводители.